

3

966

Искажатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Рисунки Г. КОВАНОВА

У ак Дойл шел вдоль высокой кирпичной стены, отделявшей городской дом Дж. Говарда Меткалфа от вульгарного окружения, когда увидел, как через стену перелетела двадцатидолларовая бумажка.

Учтите, что Дойл не из тех, кто хлопает ушами — он себе клыки обломал в этом грубом мире. И хоть никто не скажет, что Дойл очень вдумчив, дураком его тоже считать не стоит. Поэтому не удивительно, что, увидев деньги посреди улицы, он их очень быстро подбирает.

Он оглянулся, чтобы проверить, не следит ли за ним кто-нибудь. Может, кто решил подшутить таким образом или, что еще хуже, присвоить деньги?

Но вряд ли за ним следили — в этой части города каждый занимался своим делом и принимал все меры к тому, чтобы остальные занимались тем же, что достигалось в большинстве случаев высокими стенами. И улица, на которой Дойл намеревался присвоить банкноту, была, по совести говоря, даже не улицей, а глухим переулком, отделяющим кирпичный забор резиденции Меткалфа от изгороди банкира Дж. С. Грегга. Дойл поставил там свою машину, потому что на бульваре, куда выходили фасады домов, не было стоянки.

Никого не обнаружив, Дойл поставил на землю фотоаппараты и погнался за бумажкой, плывущей над переулком. Он схватил ее с резвостью кошки, ловящей мышь, и вот именно тогда-то он и заметил, что это не какой-нибудь доллар и даже не пятидолларовик, а самые настоящие двадцать долларов. Бумажка похрустывала — она была такой новенькой, что еще блестела, и, держа ее нежно кончиками пальцев, Дойл решил удалиться к Бенни и позволить себе одно или несколько возлияний, для того чтобы отпраздновать колоссальное везение.

Легкий ветерок дул вдоль переулка, и листва немногих деревьев, что росли в нем, совместно с листвой многочисленных деревьев, что росли за заборами и оградами на подстриженных лужайках, шумела, как приглушенный симфонический оркестр. Ярко светило солнце, и не было никакого намека на дождь, и воздух был чист и свеж, и мир был удивительно хорош. И с каждым моментом становился все лучше.

Потому что через стену Меткалфа вслед за первой бумажкой, весело танцуя по ветру, неслись другие.

Дойл увидел их, и на миг его схватил паралич, глаза несколько вышли из орбит, и кадык подергивался от возбуждения. Но в следующий момент он оказался среди бумажек, хватая их обеими руками, набивая ими карманы, задыхаясь от страха, что какая-нибудь из банкнот может убежать от него. Он был во власти убеждения, что, как только он соберет все деньги, ему надо бежать отсюда со всех ног.

Он знал, что деньги кому-то принадлежат, и он был уверен, что даже на этой улице не найдется человека, настолько презирающего деньги, что он позволит им улететь и не попытается вернуть их.

Так что он собрал деньги и, убедившись, что ни одной бумажки не упустил, бросился к своей машине.

Через несколько кварталов, в более укромном районе, он остановил машину на обочине, опустошил карманы, разглаживая банкноты и складывая их в ровные стопки на сиденье. Их оказалось куда больше, чем он предполагал. Дыхание со свистом вырывалось сквозь зубы.

Он поднял пачку, чтобы посчитать деньги, и заметил, что нечто торчит из нее. Он попытался щелчком выкинуть это нечто, но оно осталось на месте. Казалось, оно приклеилось к одной из банкнот. Он дернул, и банкнота вылезла из пачки.

Это был черешок, такой же, как у яблока или вишни, черешок, крепко и естественно приросший к углу двадцатидолларовой бумажки.

Он бросил пачку на сиденье, поднял банкноту за черешок, и ему стало ясно, что совсем недавно черешок был прикреплен другим концом к ветке.

Дойл тихо присвистнул.

«Денежное дерево», — подумал он.

Но денежных деревьев не бывает. Никогда не было денежных деревьев. И никогда не будет денежных деревьев.

— Мне мерещится чертовщина, — сказал Дойл, — а я уже несколько часов капли в рот не брал.

Ему достаточно было закрыть глаза — и вот оно, могучее дерево с толстым стволом, высокое, прямое, с раскидистыми ветвями, с множеством листьев, и каждый лист — двадцатидолларовая бумажка. Ветер играет листьями и рождает денежную музыку, а человек может лежать в тени этого дерева и ни о чем не заботиться, только подбирать падающие листья и класть их в карманы.

Он потянул за черешок, но тот продолжал держаться за бумажку. Тогда Дойл аккуратно сложил банкноту и положил ее в часовой кармашек брюк. Потом подобрал остальные деньги и, не считая, сунул их в другой карман.

Через двадцать минут он вошел в бар Бенни. Бенни протирает стойку. Единственный одинокий посетитель сидел в дальнем конце бара, посасывая пиво.

— Бутылку и рюмку, — сказал Дойл.

— Покажи наличные, — сказал Бенни.

Дойл дал ему одну из двадцатидолларовых бумажек. Она была такой новенькой, что хрустение ее громом прозвучало в тишине бара. Бенни очень внимательно оглядел ее.

— Кто это их тебе делает? — спросил он.

— Никто, — сказал Дойл, — я их на улице подбираю.

Бенни передал ему бутылку и рюмку.

— Кончил работу? Или только начинаешь?

— Кончил, — сказал Дойл. — Я снимал старика Дж. Говарда Меткалфа. Один журнал с востока заказал его портрет.

— Этого гангстера?

— Он теперь не гангстер. Он уже года четыре-пять как легальный. Он теперь магнат.

— Ты хочешь сказать — богач. Чем он занимается теперь?

— Не знаю. Но чем бы ни занимался, он с этого имеет. У него приличная хижинка на холме. Но сам-то он — глядеть не на что.

— Не понимаю, чего в нем твой журнал нашел?

— Может быть, они хотят напечатать рассказ о том, как выгодно быть честным человеком.

Дойл наполнил рюмку.

— Мне-то что, — сказал он философски. — Если мне заплатят, я и червяка сфотографирую.

— Кому нужен портрет червяка?

— Мало ли психов на свете! — сказал Дойл. — Может, кому-нибудь понадобится. Я вопросов не задаю. Людям нужны снимки, и я их делаю. И пока мне за них платят, все в порядке.

Дойл с удовольствием допил и налил снова.

— Бенни, — спросил он, — ты когда-нибудь слышал, чтобы деньги росли на дереве?

— Ты ошибся, — сказал Бенни, — деньги растут на кустах.

— Если на кустах, то и на деревьях могут. Ведь что такое куст? Маленькое дерево.

— Ну, уж нет, — возразил Бенни, малость смешавшись. — В самом деле деньги и на кустах не растут. Просто поговорка такая.

Зазвонил телефон, и Бенни подошел к нему.

— Это тебя, — сказал он.

— Кто бы мог догадаться, что я здесь? — удивился

Дойл.

Он взял бутылку и перебрался вдоль стойки к телефону.

— Ну, — сказал он в трубку, — вы меня звали, говорите.

— Это Джейк.

— Сейчас ты скажешь, что у тебя для меня работа. И что ты мне дня через два заплатишь. Сколько, ты думаешь, я буду на тебя работать бесплатно?

— Если ты это для меня сделаешь, Чак, я тебе все заплачу. И не только за это, но и за все, что ты делал раньше. Мне нужна твоя помощь сейчас. Понимаешь, машина слетела с дороги и попала прямо в озеро, и страховая компания уверяет...

— Где теперь машина?

— Все еще в озере. Они ее вытащат не сегодня-завтра, а мне нужны снимки...

— Может, ты хочешь, чтобы я забрался в озеро и снимал под водой?

— Именно так. Я понимаю, что это нелегко. Но я до стану водолазный костюм и все устрою. Я бы тебя не просил, но ты единственный человек...

— Не буду я этого делать, — уверенно сказал Дойл, —

у меня слишком хрупкое здоровье. Если я промокну, то схвачу воспаление легких и у меня разболются зубы, а кроме того, у меня аллергия к водорослям, а озеро почти наверняка полно кувшинками и всякой травой.

— Я тебе заплачу вдвойне! — в отчаянии вопил Джейк. — Я тебе даже втройне заплачу!

— Знаю, — сказал Дойл, — ты мне ничего не заплатишь.

Он повесил трубку и вернулся на старое место, таща собой бутылку.

— Тоже мне, — сказал он, выпив две рюмки подряд, — чертов способ так зарабатывать себе на жизнь.

— Все способы чертовы, — сказал Бенни философски.

— Послушай, Бенни, та бумажка, которую я тебе дал, она в порядке?

— А что?

— Да нет, ты так похрустел ею.

— Я всегда ими хрещу. Клиенты это любят.

И он машинально протер стойку снова, хотя та была чиста и суха.

— Я в них разбираюсь не хуже банкира, — сказал он. — Я фальшивку за пятьдесят шагов учую. Некоторые умники приходят сбыть свой товар в бар, думают, что это самое подходящее место. Надо быть начеку.

— Ловишь их?

— Иногда. Не часто. Вчера здесь один рассказывал, что теперь до черта фальшивых денег, которые даже эксперт не отличит. Рассказывал, что правительство с ума сходит — появляются деньги с одинаковыми номерами. Ведь на каждой бумажке свой номер. А когда на двух одинаковый, значит, одна из бумажек фальшивая. Тот парень говорил, что они думают — это работа русских.

Дойл еще выпил и вернул бутылку.

— Мне пора, — объявил он. — Я сказал Мейбл, что загляну. Она у меня не любит, когда я накачиваюсь.

— Не понимаю, чего Мейбл с тобой возится, — сказал Бенни. — Работа у нее в ресторане хорошая, столько ребят вокруг. Некоторые из них и не пьют и работают всюю...

— Ни у кого из них нет такой души, как у меня, — сказал Дойл. — Ни один из этих механиков и шоферов не отличит закат от яичницы.

Бенни дал ему сдачу с двадцати долларов.

— Как я вижу, — сказал он, — ты со своей души имеешь.

— А почему бы и нет! — ответил Дойл. — Это само собой разумеется.

Он собрал сдачу и вышел на улицу.

Мейбл ждала его, и в этом не было ничего удивительного. Всегда с ним что-нибудь случалось, и он всегда опаздывал, и она уж привыкла ждать.

Она сидела за столиком. Дойл поцеловал ее и сел напротив. В ресторане было пусто, если не считать новой

официантки, которая убирала со стола в другом конце зала.

— Со мной сегодня удивительная штука приключилась, — сказал Доил.

— Надеюсь, приятная? — сказала Мейбл.

— Не знаю еще, — ответил Доил. — Может быть, и приятная. С другой стороны, я, может, попаду в неприятности.

Он залез в часовой кармашек, достал банкноту, расправил ее, разгладил и положил на стол.

— Что это такое? — спросил он.

— Зачем спрашивать, Чак? Это двадцать долларов.

— А теперь посмотри внимательно на уголок.

Она посмотрела и несколько удивилась.

— Смотри-ка, черешок! — воскликнула она. — Совсем как у яблока. И приклеен к бумаге.

— Эти деньги с денежного дерева, — сказал Доил.

— Таких не бывает, — сказала Мейбл.

— Бывает, — сказал Доил, сам все более убеждаясь в этом. — Одно из них растет в саду Дж. Говарда Меткалфа. Отсюда у него и деньги. Я раньше никак не мог понять, как эти боссы умудряются жить в больших домах, ездить на автомобилях длиной в квартал и так далее. Ведь чтобы заработать на это, им пришлось бы всю жизнь вкалывать. Могу поспорить, что у каждого из них на дворе растет денежное дерево. И они держат это в секрете. Только вот сегодня Меткалф забыл с утра собрать спелые деньги и их сдуло с дерева через забор.

— Но даже если бы денежное дерево существовало, — не сдавалась Мейбл, — они не смогли бы сохранить секрет. Кто-нибудь да дознался бы. У них же есть слуги. а слуги...

— Я догадался, — перебил ее Доил. — Я об этом думал и знаю, как это делается. В этих домах не простые слуги. Каждый из них служит семье много лет, и они очень преданные. И знаешь, почему они преданные? Потому, что им тоже достается кое-что с этих денежных деревьев. Могу поклясться, что они держат язык за зубами, а когда уходят в отставку, сами живут, как богачи. Им невыгодно болтать. И кстати, если бы всем этим миллионерам нечего было скрывать, к чему бы им окружать свои дома такими высокими заборами?

— Ну, они ведь устраивают в садах приемы, — протестовала Мейбл. — Я всегда об этом читаю в светской хронике.

— А ты когда-нибудь была на таком приеме?

— Нет, конечно.

— То-то что не была. У тебя нет своего денежного дерева. И они приглашают только своих, только тех, у кого тоже есть денежные деревья. Почему, ты думаешь, богачи задирают нос и не хотят иметь дела с простыми смертными?

— Ну ладно, нам-то что до этого?

— Мейбл, смогла бы ты мне найти мешок из-под сахара или что-нибудь вроде этого?

— У нас их в кладовке сколько угодно. Могу принести.

— И пожалуйста, вшей в него резинку, так чтобы я мог потянуть за нее, и мешок бы закрылся. А то, если придется бежать, деньги могут...

— Чак, ты не посмеешь...

— Как раз перед стеной стоит дерево. И один сук навис над ней. Так что я могу привязать веревку...

— И не думай. Они тебя поймают.

— Ну, это мы посмотрим после того, как ты достанешь мешок. А я пока пойду поищу веревку.

— Но все магазины уже закрыты. Где ты достанешь веревку?

— Это уж мое дело, — сказал Дойл.

— Тебе придется отвезти меня домой. Здесь я не смогу перешить мешок.

— Как только вернусь с веревкой.

— Чак!

— А?

— А это не воровство? С денежным деревом?

— Нет. Если даже у Меткалфа и есть денежное дерево, он не имеет никаких прав держать его в саду. Дерево общее. Больше чем общее. Какое у него право собирать все деньги с дерева и ни с кем не делиться?

— А тебя не поймают за то, что ты делаешь фальшивые деньги?

— Какие же это фальшивки? — возмутился Дойл. — Никто их не делает. Там же нет ни прессы, ни печатной машины. Деньги сами по себе растут на дереве.

Она перегнулась через стол и прошептала:

— Чак, это так невероятно! Разве могут деньги расти на дереве?

— А я и не знаю и знать не хочу, — ответил Дойл. — Я не ученый, но скажу тебе, что эти ботаники научились делать удивительные вещи. Вот был такой Бербанк. Он выращивал такие растения, что на них росло все, чего ему хотелось. Они умеют выращивать совсем новые плоды и менять их размер и вкус и так далее. Так что если кому-нибудь из них пришло бы в голову вывести денежное дерево, для него это пара пустяков.

Мейбл поднялась из-за стола.

— Я пойду за мешком, — сказала она.

2

Дойл забрался на дерево, которое росло в переулке у самой стены.

Он поднял голову и посмотрел на светлые, освещенные лунной облака. Через минуту или две облако побольше закроет луну, и тогда надо будет спрыгнуть в сад.

Дойл посмотрел туда. В саду росло несколько деревьев,

но отсюда нельзя было разобрать, какое из них было денежным. Правда, Дойлу показалось, что одно из них похрустывает листьями.

Он проверил веревку, которую держал в руке, мешок, заткнутый за пояс, и подождал, пока облако закрыло луну.

Дом был темен и тих, и только в комнатах верхнего этажа поблескивал свет. Ночь, если не считать шороха листьев, тоже была тихой.

Край облака начал вгрызаться в луну, и Дойл пополз на четвереньках по толстому суку. Потом привязал веревку и опустил ее конец.

Проделав все это, он замер на секунду, прислушиваясь и приглядываясь к тишине сада.

Никого не было.

Он соскользнул вниз по веревке и побежал к дереву, листья которого, как ему казалось, похрустывали.

Осторожно поднял руку.

Листья были размером и формой точно как деньги. Он сорвал с пояса мешок и сунул в него пригоршню листьев. И еще, и еще...

«Как просто! — сказал он себе. — Как сливы. Как будто я собираю сливы. Так же просто, как собирать...»

«Мне нужно всего пять минут, — говорил он себе. — И все. Пять минут, если никто мне не помешает».

Но пяти минут он не получил. У него не было и минуты.

Яростный смерч налетел на него из темноты. Он ударил его по ноге, впился в ребра и разорвал рубашку. Смерч был яростен, но беззвучен, и в первые секунды Дойлу показалось, что он не имеет формы.

Дойл сбросил с себя оцепенение внезапности и страха и начал сопротивляться так же беззвучно, как и нападающая сторона. Дважды ему удавалось ухватиться за сторожа, и дважды тот ускользал, чтобы вновь наброситься на Дойла.

Наконец ему удалось схватить сторожа так, что тот не мог пошевелиться, и он поднял его над головой, чтобы разозжить о землю. Но в тот момент, когда он поднял руки, облако ушло с луны и в саду стало светло.

И он увидел, что он держит, и с трудом подавил возглас изумления.

Он ожидал увидеть собаку. Но это была не собака. Это было не похоже ни на что, виденное им до сих пор. Он даже не слышал о таком.

Один конец этого представлял собой рот, другой был плоским и квадратным. Эта штука была размером с терьера, но не была терьером. У нее были короткие, но сильные ноги, а руки были длинные, тонкие, заканчивающиеся крепкими когтями, и он подумал, как хорошо, что он схватил его так, что руки были прижаты к телу. Существо было белого цвета, безволосым и голым, как ощипанная курица. Что-то похожее на ранец было прикреплено у него за спиной. Но это еще было не самое худшее.

Грудь существа была большой, блестящей и твердой,

как панцирь кузнечика, а на ней вспыхивали светящиеся буквы и знаки.

Сквозь ужас, охвативший Дойла, пробивались быстрые мысли, и он пытался удержать их. Но мысли крутились где-то неподалеку, и он никак не мог привести их в порядок.

Наконец непонятные знаки исчезли с груди существа, и на ней появились светящиеся слова, написанные печатными буквами:

ОТПУСТИ
МЕНЯ!

Даже с восклицательным знаком на конце.

— Дружище, — сказал Дойл, основательно потрясенный, но тем не менее уже пришедший в себя. — Я тебя не отпускаю. У меня есть кое-какие планы.

Он обернулся, нашел мешок и пододвинул к себе.

ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ, —

появились буквы на груди существа.

— Нет, — сказал Дойл, — не пожалею.

Он встал на колени, быстро развернул мешок, засунул внутрь своего пленника и затянул резинку.

Внезапно на первом этаже дома вспыхнул свет и послышались голоса из окна, выходящего в сад. Где-то в темноте скрипнула дверь и захлопнулась с пустым гулким звуком. Дойл бросился к веревке. Мешок мешал ему бежать, но необходимость убраться подальше помогла ему быстро вскарабкаться на дерево. Он притаился среди ветвей и осторожно подтянул к себе болтающуюся веревку, сворачивая ее свободной рукой.

Существо в мешке начало ворочаться и брыкаться. Он приподнял мешок и стукнул им о ствол. Существо сразу затихло.

По дорожке, скрытой в тени, застучали уверенные шаги, и Дойл увидел в темноте огонек сигары. Раздался голос, явно принадлежащий Меткалфу.

— Генри!

— Да, сэр, — отозвался Генри с веранды.

— Куда, черт возьми, задевался ролла?

— Он где-то там, сэр. Он никогда не отходит далеко от дерева. Вы же знаете, он за него отвечает.

Огонек сигары загорелся ярче. Видно, Меткалф яростно затыкнулся.

— Не понимаю я этих ролл, Генри, — сказал он. — Столько лет прошло, а я их все не понимаю.

— Правильно, сэр, — сказал Генри. — Их трудно понять.

Дойл чувствовал запах дыма. Судя по запаху, это была хорошая сигара.

Ну и понятно, Меткалф, конечно, курит самые лучшие. Не будет же человек, у которого растет денежное дерево, задумываться о цене сигар!

Дойл осторожно отполз фута на два по суку, стараясь приблизиться к стене.

Огонек сигары дернулся и обернулся к нему, показывая, что Меткалф услышал шум на дереве.

— Кто там? — крикнул он.

— Я ничего не слышал, сэр. Это, наверно, ветер.

— Никакого ветра, дурак. Это опять та же кошка.

Дойл прижался к ветке, неподвижный, но вместе с тем собранный в комок, готовый к действию, как только в этом возникнет необходимость. Он выругал себя за неосторожность.

Меткалф сошел с дорожки и стоял освещенный лунным светом, разглядывая дерево.

— Там что-то есть, — объявил он торжественно. — Листва такая густая, что я не могу разглядеть — что. Но могу поклясться, что это та самая чертова кошка. Она просто преследует роллу.

Он вынул сигару изо рта и выдохнул пару изумительных по форме колец дыма, которые, как привидения, поплыли в воздухе.

— Генри, — крикнул он, — принеси мне ружье! Двадцатый калибр стоит прямо за дверью.

Этого было достаточно, чтобы Дойл бросился к стене. Он чуть не упал, но удержался. Он уронил веревку, чуть не потерял мешок. Ролла внутри снова начал трепыхаться.

— Тебе что, попрыгать охота? — яростно зашипел Дойл.

Он перекинул мешок через забор и услышал, как он ударился о мостовую. Он понадеялся, что не убил роллу, потому что его пленник мог оказаться ценным приобретением. Его можно будет продать в цирк, там любят такие идиотские штуки.

Дойл добрался до ствола и соскользнул вниз, не думая о последствиях, и в результате исцарапал руки и ноги о шершавую кору.

Из-за забора доносились страшный рев и леденящие кровь ругательства Дж. Говарда Меткалфа.

Дойл подобрал мешок и побежал к тому месту, где он оставил машину. Добежав, он бросил мешок внутрь, сел за руль и поехал по сложному, заранее разработанному маршруту, чтобы уйти от возможной погони.

Через полчаса Дойл остановился у небольшого парка и принялся обдумывать ситуацию.

В ней было и плохое и хорошее.

Ему не удалось собрать такой урожай с дерева, как ему хотелось, и к тому же теперь Меткалф обо всем знает и вряд ли удастся повторить набег.

С другой стороны, Дойл теперь знал наверняка, что денежные деревья существуют, и у него был ролла, вернее, он предполагал, что эту штуку зовут ролла.

И этот ролла — такой тихий в мешке — основательно покорял его, охраняя дерево.

При свете луны Дойл видел, что руки его в крови, а царапины на ребрах под разорванной рубашкой жгли огнем. Штанина промокла от крови.

Он почувствовал, как мурашки побежали по коже. Че-

ловеку ничего не стоит подцепить инфекцию от неизвестной зверюги.

А если пойти к доктору, тот обязательно спросит, что с ним случилось. Он, конечно, сможет сослаться на собаку. Но вдруг доктор поймет, что это вовсе не собачьи укусы? Вернее всего, доктор сообщит куда следует.

Нет, решил он, слишком многое поставлено на карту, чтобы рисковать, — никто не должен знать об его открытии. Потому что, пока Дойл единственный человек, знающий о денежном дереве, можно извлечь из этого выгоду. Особенно если у него есть ролла, таинственным образом связанный с этим деревом, и которого, даже и без дерева, при удачных обстоятельствах можно превратить в деньги.

Он снова завел машину.

Минут через пятнадцать он остановил ее в переулке, в который выходили зады старых многоквартирных домов. Он вышел из машины, захватив с собой мешок.

Ролла все еще был неподвижен.

— Странно, — сказал Дойл.

Он положил руку на мешок, и мешок был теплым, а ролла чуть пошевелился.

— Жив еще, — сказал Дойл с облегчением.

Он пробирался между мусорных урн, куч гнилых досок и груд пустых консервных банок. Кошки разбежались в темноте при его виде.

— Ничего себе местечко для девушки, — сказал Дойл сам себе. — Совершенно неподходящее место для такой девушки, как Мейбл.

Он отыскал черный ход и поднялся по скрипучей лестнице, прошел по коридору и отыскал дверь в комнату Мейбл. Она схватила его за рукав, втащила в комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

— Я так волновалась, Чак!

— Нечего было волноваться, — сказал Дойл. — Непредвиденные осложнения. Вот и все.

— Твои руки! — вскрикнула она. — Твоя рубашка!

Дойл весело подкинул мешок.

— Это все пустяки, Мейбл, — сказал он. — Главное, посмотри, что в мешке.

Он огляделся.

— Окна закрыты?

Она кивнула.

— Передай мне настольную лампу, — сказал он. — Она подойдет вместо дубинки.

Мейбл вырвала провод из штепселя, сняла абажур и протянула ему лампу.

Он поднял лампу, потом наклонился над мешком и развязал его.

— Я его пару раз пристукнул, — сказал он, — и еще бросил в переулок, так что он, наверно, оглушенный, но все-таки рисковать не стоит.

Он перевернул мешок и вытряхнул роллу наружу. За ним последовал душ из двадцатидолларовых бумажек.

Ролла с достоинством поднялся с пола и встал прямо,

хотя трудно было понять, что он стоит прямо. Его задние лапы были такими короткими, а передние такими длинными, что казалось, он сидит, как собака.

Ролла был больше всего похож на волка, воющего на луну, или, вернее, на большого карикатурного бульдога, воющего на луну.

Мейбл испустила отчаянный визг и бросилась в спальню, захлопнув за собой дверь.

— Замолчи ты, бога ради! — сказал Дойл. — Всех перебудит. Соседи подумают, что я тебя убиваю.

Кто-то затопал наверху. Мужской голос зарычал: «Заткнитесь там, внизу!»

На груди роллы загорелась надпись:

ГОЛОДНЫЙ. КОГДА КУШАТЬ?

Дойл проглотил слюну. Он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу.

В ЧЕМ ДЕЛО? — продолжал ролла. — ДАВАЙ ГОВОРИ, Я СЛЫШУ.

Кто-то громко постучал в дверь.

Дойл быстро оглянулся и увидел, что пол засыпан деньгами. Он принялся собирать их и рассовывать по карманам.

В дверь продолжали стучать.

Дойл собрал деньги и открыл дверь.

В дверях стоял мужчина в нижнем белье. Он был высок и мускулист. Он возвышался над Дойлом по крайней мере на фут. Из-за его плеча выглядывала женщина.

— Что здесь происходит? — спросил мужчина. — Мы слышали, как кричала женщина.

— Мышку увидела, — сказал Дойл.

Мужчина не спускал с него глаз.

— Большую мышку, — уточнил Дойл. — Может быть, даже крысу.

— А вы, мистер... с вами что случилось? Где это вы так рубаху порвали?

— В карты играл, — сказал Дойл и попытался захлопнуть дверь.

Но мужчина распахнул ее еще шире и вошел в комнату.

— Если не имеете ничего против, я бы взглянул... — сказал он.

С замирающим чувством в желудке Дойл вспомнил о ролле.

Он обернулся. Но роллы не было.

Открылась дверь спальни, и вышла Мейбл. Она была холодна, как лед.

— Вы здесь живете, леди? — спросил мужчина в исподнем.

— Да, она здесь живет, — сказала женщина, оставшаяся в дверях. — Я ее часто вижу в коридоре.

— Этот парень к вам пристает?

— Ни в коем случае, — сказала Мейбл. — Это мой друг.

Мужчина обернулся к Дойлу.

— Ты весь в крови, — сказал он.

— Что делать... — сказал Дойл. — Всегда из меня кровь идет.

Женщина потянула мужчину за рукав.

Мейбл сказала:

— Уверяю вас, ничего не произошло.

— Пошли, милый, — настаивала женщина, продолжая тянуть его за рукав. — Они в нас не нуждаются.

Мужчина с неохотой ушел.

Дойл захлопнул дверь и запер ее.

— Черт возьми, — сказал он, — нам придется отсюда сматываться. Он будет думать об этом, потом позвонит в полицию, они явятся и нас заберут...

— Мы ничего не сделали, Чак, — сказала Мейбл.

— Может, и не сделали. Но я полицию не люблю. Не хочу отвечать на вопросы.

Она подошла к нему ближе.

— Он прав, ты весь в крови, — сказала она. — И руки и рубашка.

— И нога тоже, — сказал он. — Это меня ролла обработал.

Ролла вышел из-за кресла.

НЕ ХОТЕЛ НЕДОРАЗУМЕНИЙ, ВСЕГДА ПРЯЧУСЬ ОТ НЕЗНАКОМЫХ.

— Вот так он и говорит, — сказал Дойл, не скрывая восторга.

— Что это? — спросила Мейбл, отходя на два шага.

Я РОЛЛА.

— Мы встретились под денежным деревом, — сказал Дойл. — Малость повздорили. Он имеет какое-то отношение к дереву — то ли стережет его, то ли еще что.

— Ты денег достал?

— Немного. Понимаешь, этот ролла...

ГОЛОДЕН, —

изобразил ролла.

— Иди сюда, — сказала Мейбл, — я тебя перевяжу.

— Да ты что, не хочешь послушать?..

— Не очень. Ты снова попал в неприятность. Мне кажется, что ты нарочно попадаешь в неприятности.

Она повела его в ванную.

— Сядь на край ванны, — сказала она.

Ролла подошел к двери и остановился.

У ВАС НЕТ НИКАКОЙ ПИЩИ? —

спросил он.

— О боже мой! — воскликнула Мейбл. — А что вы хотите?

ФРУКТЫ. ОВОЩИ.

— Там в кухне на столе есть фрукты. Вам показать?

САМ НАЙДУ, —

заявил ролла и исчез.

— Не пойму этого коротышку, — сказала Мейбл. — Сначала он тебя искушал, а теперь лучший друг.

— Я его пристукнул пару раз, — ответил Дойл. — Научил себя уважать.

— И он еще умирает с голоду, — заметила Мейбл с осуждением. — Да сядь ты на край ванны. Я тебя обмою.

Он сел, а она забралась в аптечку, достала бутылку с чем-то коричневым, бутылочку спирта, вату и бинт. Она встала на колени и закатала штанину Дойла.

— Плохо, — сказала она.

— Это он зубами до меня добрался, — сказал Дойл.

— Надо пойти к доктору, Чак, — сказала Мейбл. — Можешь схватить заражение крови. У него, может быть, грязные зубы.

— Доктор будет задавать много вопросов. У меня и без него хватит неприятностей.

— Чак, а что это такое?

— Это ролла.

— А почему его зовут ролла?

— Не знаю. Зовут, и все.

— А чего ты тогда притащил его с собой?

— Он стоит не меньше миллиона. Его можно продать в цирк или зоопарк. Даже могу сам выступить с ним в ночном клубе. Показывать, как он говорит, и вообще.

Она быстро и умело промыла ему раны.

— И еще вот почему я его сюда притащил, — сказал Дойл. — Меткалф у меня в руках. Я знаю кое-что такое... У меня теперь ролла, а ролла связан как-то с этими денежными деревьями.

— Ты теперь что, о шантаже заговорил?

— Ни в коем случае! Я в жизни никого не шантажировал. Просто небольшое дельце между мной и Меткалфом. Может быть, в благодарность за то, что я держу язык за зубами, он даст мне одно из своих денежных деревьев.

— Но ты же сам говоришь, что там всего одно денежное дерево.

— Это я одно видел. Но там темно, и, может быть, еще были. Ты понимаешь, такой человек, как Меткалф, никогда не удовлетворится одним денежным деревом. Если у него есть одно, он еще себе вырастит. Могу поспорить на что угодно, у него есть двадцатидолларовые деревья, и пятидесятидолларовые деревья, и, может быть, даже стодолларовые деревья.

Он вздохнул: «Хотел бы я провести хотя бы пять минут под стодолларовым деревом! Я бы на всю жизнь себя обеспечил. Я бы двумя руками рвал».

— Сними рубашку, — сказала Мейбл. — Мне нужно добраться до царапин.

Дойл стащил рубашку через голову.

— Знаешь что, — сказал он, — могу поклясться, что

не только у Меткалфа есть денежные деревья. У всех богатей есть. Они, наверно, объединились в секретное общество и поклялись никогда об этом не болтать. Я не удивляюсь, что все деньги идут оттуда. Может быть, правительство вовсе не печатает никаких денег, а только говорит, что печатает...

— Замолчи, — скомандовала Мейбл, — и не дергайся. Она наклеивала пластырь ему на грудь.

— Что ты собираешься делать с роллой? — спросила она.

— Мы его положим в машину и отвезем к Меткалфу. Ты останешься в машине с роллой и, если что-нибудь будет не так, уедешь. Пока ролла у нас — Меткалф под прицелом.

— Ты с ума сошел! Чтобы я осталась один на один с этой штукой! После всего, что она с тобой наделала.

— Возьмешь палку, и, если он чего-нибудь, ты его палкой.

— Ничего подобного, — сказала Мейбл. — Я с ним не останусь.

— Хорошо, — сказал Дойл, — мы его положим в багажник. Завернем в одеяло, чтобы не ушибся. Может, даже лучше, если он будет заперт.

Мейбл покачала головой.

— Надеюсь, что ты прав, Чак. И надеюсь, что мы не попадем в неприятности.

— И не думай об этом, — ответил Дойл. — Давай двигаться отсюда. Нам нужно выбраться, пока этот бездельник не догадался позвонить в полицию.

В дверях появился ролла, поглаживая себя по животу.

БЕЗДЕЛЬНИК, — спросил он. — **ЧТО ЭТО?**

— О господи, — сказал Дойл, — как я ему объясню?

БЕЗДЕЛЬНИК — **ЭТО ПОДОНОК?**

— В этом что-то есть, — согласился Дойл. — Бездельник — это похоже на подонка.

МЕТКАЛФ СКАЗАЛ: ВСЕ ДРУГИЕ ЛЮДИ — ПОДОНКИ.

— Знаешь, что я тебе скажу, Меткалф в чем-то прав, — сказал Дойл.

ПОДОНОК — ЗНАЧИТ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ.

— Никогда не слышал такой формулировки, — сказал Дойл. — Но если так, можете считать меня подонком.

МЕТКАЛФ СКАЗАЛ: ПЛАНЕТА НЕ В ПОРЯДКЕ — СЛИШКОМ МАЛО ДЕНЕГ.

— Вот тут я с ним полностью согласен.

ПОЭТОМУ Я НА ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕ СЕРЖУСЬ.

— Боже мой, — сказала Мейбл, — он оказался болтуном!

МОЯ РАБОТА — ЗАБОТИТЬСЯ О ДЕРЕВЕ.

СНАЧАЛА Я РАССЕРДИЛСЯ,

НО ПОТОМ ПОДУМАЛ:

**«ВЕДНЫЙ ПОДОНОК, ЕМУ НУЖНЫ ДЕНЬГИ,
НЕЛЬЗЯ ЕГО ВИНИТЬ».**

— Это с твоей стороны очень благородно, — сказал Дойл, — жалко, что ты не подумал об этом прежде, чем начал меня жевать. Если бы в моем распоряжении было хотя бы пять минут...

— Я готова, — сказала Мейбл. — Если ты не передумал, поехали.

3

Дойл медленно шел по дорожке, ведущей к дверям дома Меткалфа. Дом был темен, и луна склонялась к вершинам сосен, которые росли на другой стороне улицы.

Дойл поднялся по кирпичным ступенькам и остановился перед дверью. Позвонил и подождал.

Ничего не случилось.

Он снова позвонил, и снова никакого ответа.

Потянул дверь. Она была заперта.

«Бежали», — сказал Дойл про себя.

Он вышел на улицу, обошел дом вокруг и взобрался на дерево в переулке. Сад за домом был темен и молчалив. Дойл долго наблюдал за ним, но не заметил никакого движения. Потом вытащил из кармана фонарик и осветил им. Светлый кружок прыгал в темноте, пока не наткнулся на участок развороченной земли.

У него перехватило дыхание, и он долго светил в том направлении, пока не убедился, что не ошибся.

Он не ошибся. Денежное дерево исчезло. Кто-то выкопал его и увез.

Дойл выключил фонарик и положил его в карман. Спустился с дерева и вернулся к машине. Мейбл не выключала мотора.

— Они смотались, — сказал Дойл. — Никого нет. Выкопали дерево и смотались.

— Ну хорошо, — ответила Мейбл. — Я даже рада. Теперь ты хоть не будешь ввязываться в авантюры с денежными деревьями.

— Поспать бы... — зевнул Дойл.

— Я тоже хочу спать. Поехали домой и выспимся.

— Ты, может, выспишься, а я — нет, — сказал Дойл. — Укладывайся на заднее сиденье. Я буду за рулем.

— Куда теперь поедем?

— Когда я снимал Меткалфа сегодня днем, он сказал мне, что у него есть ферма за городом. На западе, у города Милвилл.

— А ты тут при чем?

— Вот что, если у него до черта денежных деревьев...

— Но у него же только одно дерево. И в саду городского дома.

— А может, и до черта. Может, это было только для того, чтобы иметь в городе карманные деньги.

— Ты хочешь сказать, что мы поедем к нему на ферму?

— Сначала надо заправиться и посмотреть по карте, где этот Милвилл. Поспорить могу, там у него целый де-нежный сад. Представь себе только — ряды деревьев, и каждое увешано деньгами.

4

Старик, хозяин единственного магазина в Милвилле, где продавались посуда, бакалейные товары, где ещё умещалась аптека и почтовая контора, покрутил серебряный ус.

— Ага, — сказал он. — У Меткалфа ферма, за холмами на том берегу реки. И даже название у нее есть — «Веселый холм». Вот скажите мне, с чего бы человеку так называть свою ферму?

— Чего только люди не делают! — ответил Дойл. — Как туда поскорее добраться?

— Вы спрашиваете?

— Конечно, спрашиваю. Только что спросил..

Старик покачал головой.

— Вас пригласили? Меткалф вас ждет?

— Не думаю.

— Тогда вам туда не попасть. Ферма вся окружена забором. А у ворот стража, там даже специальный домик для охранников. Так что, если Меткалф вас не ждет, не надейтесь туда попасть.

— Я попробую.

— Желаю успеха, но вряд ли у вас выйдет. Скажите мне лучше, почему бы этому Меткалфу себя так вести? Места наши тихие. Никто не обносит своих ферм оградой в восемь футов высотой, с колючей проволокой поверху. Никто бы и денег не набрал, чтобы такую ограду построить. Должно быть, он кого-то сильно боится.

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Дойл. — Все-таки как туда добраться?

Старик достал из-под прилавка бумажный пакет, вытащил из кармана огрызок карандаша и лизнул грифель, прежде чем принялся медленно рисовать план.

— Переедете через мост и поезжайте по этой дороге — налево не поворачивайте, та дорога к реке ведет, — доедете до оврага, и начнется холм. Наверху повернете налево, и оттуда до фермы Меткалфа останется миля.

Он еще раз лизнул карандаш и нарисовал грубый четырехугольник.

— Вот тут, — сказал он. — Участок не маленький. Меткалф купил четыре фермы и объединил их.

В машине ждала раздраженная Мейбл.

— Итак, ты с самого начала был не прав, — сказала она. — У него нет никакой фермы.

— Всего несколько миль осталось, — ответил Дойл. — Как там ролла?

— Опять проголодался, наверное. Стучит в багажнике.

— С чего бы ему проголодаться? Я ему два часа назад сколько бананов скормил!

— Может, ему скучно? Он чувствует себя одиноким?
— У меня и без него дел достаточно, — сказал Дойл. — Не хватало еще, чтобы я держал его за ручку.

Он забрался в машину, завел ее и поехал по пыльной улице, пересек мост, но вместо того, чтобы переехать овраг, повернул на дорогу, которая вела вдоль реки. Если карта, которую нарисовал старик, была правильной, думал он, то, следуя по дороге вдоль реки, можно выехать к ферме с тыла.

Мягкие холмы превратились в крутые утесы, покрытые лесом и кустарником. Извилистая дорога ухудшилась. Машина подъехала к глубокому оврагу, разделявшему два утеса. По дну оврага протянулась полужаросшая колея.

Дойл свернул на эту колею и остановился.

Затем вылез и постоял с минуту, глядя вдоль оврага.

— Ты чего встал? — спросила Мейбл.

— Я собираюсь зайти к Меткалфу с тыла, — сказал он.

— Ты меня здесь не оставишь.

— Я ненадолго.

— К тому же здесь москиты, — пожаловалась она, отмахиваясь.

— Закроешь окна.

Он пошел, но Мейбл окликнула его:

— Там ролла остался.

— Он до тебя не доберется, пока заперт в багажнике.

— Но он так стучит! Что, если кто-нибудь пройдет мимо и услышит?

— Даю слово, что по этой дороге уж недели две как никто не ездил.

Пищали москиты. Он попытался отогнать их.

— Послушай, Мейбл, — взмолился он, — ты хочешь, чтобы я с этим делом покончил, не так ли? Ты же ничего не имеешь против норковой шубы? Ты ведь не откажешься от бриллиантов?

— Нет, наверно, — призналась она. — Только поспеши, пожалуйста. Я не хочу здесь сидеть, когда стемнеет.

Он повернулся и пошел вдоль оврага.

Все вокруг было зеленым — глубокого бесформенного летнего зеленого цвета. И было тихо, если не считать писка москитов. В приученную к бетону и асфальту города голову Дойла вползал тихий страх перед зеленым безмолвием лесистых холмов.

Он прихлопнул москита и пожегил ся.

— Тут нет ничего, что повредило бы человеку, — вслух подумал он.

Путешествие было не из легких. Овраг вился между холмов, и сухое ложе ручья, заваленное валунами и кучами гальки, кидалось от одного склона к другому. Время от времени Дойлу приходилось взбираться на откос, чтобы обойти завалы.

Москиты с каждым шагом становились все надоедливее. Он обмотал шею носовым платком и надвинул шлягу на глаза. Ни на секунду не прекращая войны с москитами, он уничтожал их сотнями, но толку было мало.

Овраг сузился и круто пошел вверх. Дойл завернул за поворот и обнаружил, что дальнейший путь закрыт. Масса сучьев, обвитых виноградом, перекрывала овраг, обеими сторонами плотина упиралась в деревья, растущие на отвесных скалах оврага.

Пробраться дальше не было никакой возможности. Завал казался сплошной стеной. Сучья были укреплены камнями и цементированной грязью, принесенными ручьем. Цепляясь ногтями и нащупывая ботинками неровности, он вскарабкался наверх, чтобы обойти препятствие. Москиты бросались на него эскадронами, он отломил ветку с листьями и пытался с ее помощью отогнать их.

Так он стоял, тяжело дыша и всхлипывая, пытаясь наполнить легкие воздухом. И думал, как же это удалось ему попасть в такую переделку. Это приключение было не по нему. Его представления о природе никогда не распространялись за пределы городского ухоженного парка.

И вот пожалуйста, он стоит в глубине лесов, старается вскарабкаться на чертом забытые холмы, пробираясь к месту, где могут водиться денежные деревья — ряды, сады, леса денежных деревьев.

— Никогда бы не пошел на это, — сказал он себе, — ни за что, кроме как за деньги.

Он огляделся и обнаружил, что завал был всего два фута толщиной и одинаков по толщине на всей своей протяженности. И задняя сторона завала была гладкой, как будто ее специально загладили. Нетрудно было понять, что ветви и камни накопились здесь не годами, не были принесены ручьем, а были сплетены так тщательно, что стали единым целым.

Кто бы, удивлялся он, мог решиться на такой труд? Здесь требовалось и терпение, и умение, и время.

Он постарался разобраться, как же были сплетены сучья, но ничего не понял. Все было так запутано, что казалось сплошной массой.

Немного передохнув и восстановив дыхание, он продолжил путь, пробираясь сквозь ветки и тучи москитов.

Понемногу деревья поредели, так что Дойл видел уже впереди синее небо. Местность выровнялась, но он не смог прибавить шагу — икры ног сводило от усталости, и ему пришлось удовлетвориться прежней скоростью передвижения.

Наконец он вырвался на поляну. С запада прилетел свежий ветер, и москиты исчезли, если не считать тех, которые удобно устроились в складках пиджака.

Дойл бросился на траву и распростерся, дыша, как измученный пес. Перед ним меньше чем в ста ярдах виднелась ограда фермы Меткалфа. Она, как блестящая змея, протянулась по склонам холмов. Перед ней дополнительным препятствием тянулась широкая полоса сорняков, как будто кто-то вскопал землю вдоль изгороди и посеял сорняки, как сеют пшеницу.

Далеко на холме среди крон деревьев виднелись неясные

крыши. А к западу от зданий раскинулись сад, длинные ряды деревьев.

Интересно, подумал Дойл, это игра воображения или действительно форма деревьев была такой же, как у того дерева в городском саду Меткалфа? И только ли воображение подсказывало ему, что зеленый цвет листьев отличался от зелени лесных деревьев и казался таким же, как цвет новеньких долларов?

Солнце палило ему в спину, и он почувствовал тепло сквозь просохшую рубашку. Посмотрел на часы. Было уже больше трех.

Дойл снова взглянул в сторону сада и на этот раз увидел среди деревьев несколько маленьких фигур. Он напрягся, чтобы разглядеть, кто это, и ему показалось, что они похожи на ролл.

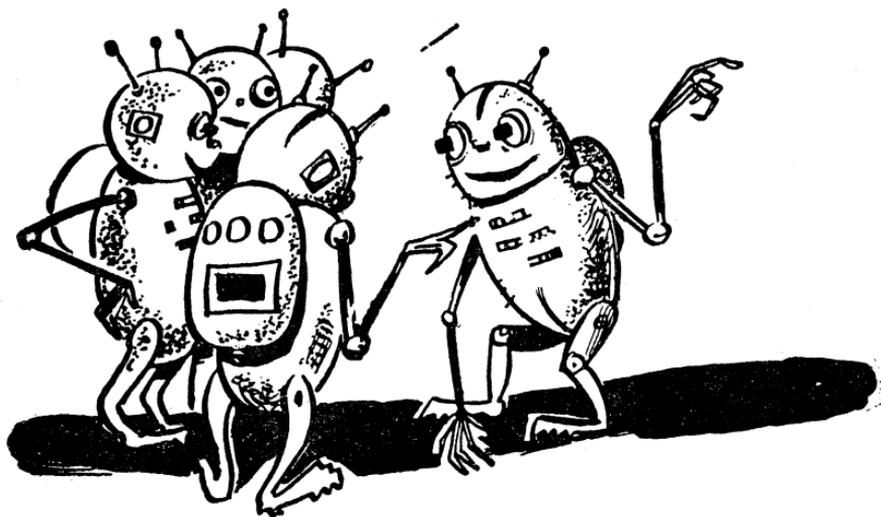
Дойл начал перебирать различные варианты поведения на случай, если не найдет Меткалфа, и самым разумным ему показалось забраться в сад. Он пожалел, что не захватил с собой мешка из-под сахара, который дала ему Мейбл.

Беспокоила его и изгородь, но он отогнал и эту мысль. Он будет думать о ней, когда подойдет время перелезть через нее.

Думая так, он полз по траве, и у него это неплохо получалось. Он уже добрался до полосы сорняков, и никто еще его не заметил. Как только он заберется в сорняки, будет легче, потому что там можно спрятаться. Он подкрадется к самой изгороди.

Он дополз до сорняков и вздрогнул, увидев, что это самые густые заросли крапивы, какие ему когда-либо приходилось видеть.

Он протянул руку, и крапива обожгла ее. Как оса. Он потерял руку.

Тогда он приподнялся, чтобы заглянуть через крапиву. Один из ролл спускался по склону к изгороди, и теперь уже не было никакого сомнения, что под деревьями были именно роллы.

Дойл нырнул за крапиву, надеясь, что ролла его не заметил. Он лежал ничком на траве. Солнце пекло, и ладонь его, обожженная крапивой, горела как ошпаренная. И уже нельзя было решить, что хуже: mosquito укусы или крапивный ожог.

Дойл заметил, что крапива колыхается, будто под ветром, это было странно, потому что ветер как раз затих.

Крапива продолжала колыхаться и, наконец, разошлась в стороны, образовав дорожку от него к изгороди. Стебли, что были справа, легли направо и прижались к земле, а стебли, что были слева, склонились налево. И вот перед ним была тропинка, по которой можно было пройти к самой изгороди.

Ролла стоял за изгородью, и на груди у него горела яркая надпись печатными буквами:

ПОДОЙДИ СЮДА, ПОДОНОК.

Дойл несколько секунд колебался. То, что его обнаружили, никуда не годилось. Теперь уж наверняка все труды и предосторожности пропали даром и таиться дальше в траве не имело никакого смысла. Он увидел, что другие роллы спускались по склону к изгороди, тогда как первый продолжал стоять, не гася пригласительной надписи на груди.

Потом буквы погасли. Но крапива продолжала лежать, и дорожка оставалась свободной. Роллы, которые спускались по склону, тоже подошли к изгороди, и все пять — их было пять — выстроились в ряд.

У первого на груди загорелась новая надпись:

ТРИ РОЛЛЫ ПРОПАЛИ.

А на груди второго зажглось:
ТЫ НАМ МОЖЕШЬ СООБЩИТЬ?

У третьего:
МЫ ХОТИМ С ТВОЕЙ ПОГОВОРИТЬ.

У четвертого:

О ТЕХ, КТО ПРОПАЛ.

У пятого:

ПОЖАЛУИСТА, ПОДОЙДИ, ПОДОНОК.

Дойл поднялся с земли. Это могло быть ловушкой. Чего он добьется, разговаривая с роллами? Но отступать было поздно: он мог вовсе лишиться возможности подойти к изгороди.

С независимым видом он медленно пошел по дорожке.

Подошел к изгороди и сел на землю, так что его голова была на одном уровне с головами ролл.

— Я знаю, где один из них, — сказал он, — но не знаю, где два других.

**ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ОДНОМ, КОТОРЫЙ БЫЛ
В ГОРОДЕ С МЕТКАЛФОМ?**

— Правильно.

ТЫ НАМ СКАЖИ, ГДЕ ОН.

— В обмен.

Все пятеро зажгли надписи:

ОБМЕН?

— Я вам скажу, где он, а вы впустите меня в сад на час, ночью, так чтобы Меткалф не знал. А потом выпустите обратно.

Они посоветовались — на груди у каждого вспыхивали непонятные значки. Потом они повернулись к нему и выстроились плечом к плечу.

МЫ ЭТОГО НЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ.

МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СОГЛАШЕНИЕ.

МЫ ДАЛИ СЛОВО.

МЫ РАСТИМ ДЕНЬГИ.

МЕТКАЛФ ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ.

— Я бы их не стал распространять, — сказал Дойл. — И могу обещать, что не буду их распространять. Я их себе оставлю.

НЕ ПОЙДЕТ, —

зажегся ролла № 1.

— А что это за соглашение с Меткалфом? Почему это вы его заключили?

ИЗ БЛАГОДАРНОСТИ, —

сказал ролла № 2.

— Не разыгрывайте меня. Чувствовать благодарность к Меткалфу...

ОН НАШЕЛ НАС.

ОН СПАС НАС.

ОН ЗАЩИЩАЕТ НАС.

И МЫ ЕГО СПРОСИЛИ:

«ЧТО МЫ МОЖЕМ ДЛЯ ВАС СДЕЛАТЬ?»

— Ага, а он сказал: вырастите мне немножко денег.

ОН СКАЗАЛ, ЧТО ПЛАНЕТА

НУЖДАЕТСЯ В ДЕНЬГАХ.

ОН СКАЗАЛ, ЧТО ДЕНЬГИ

СДЕЛАЮТ СЧАСТЛИВЫМИ

ВСЕХ ПОДОНКОВ ВРОДЕ ТЕБЯ.

— Черта с два! — сказал Дойл с негодованием.

МЫ ИХ РАСТИМ.

ОН ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ.
СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ МЫ
СДЕЛАЕМ ВСЮ ПЛАНЕТУ
СЧАСТЛИВОЙ.

— Нет, вы только посмотрите, какая милая компания миссионеров!

МЫ ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЕМ.

— Миссионеры. Люди, которые занимаются всякими благотворительными делами. Творят добрые дела.

МЫ ДЕЛАЛИ ДОБРЫЕ ДЕЛА
НА МНОГИХ ПЛАНЕТАХ.
ПОЧЕМУ НЕ ДЕЛАТЬ
ДОБРЫЕ ДЕЛА ЗДЕСЬ?

— А при чем тут деньги?

ТАК СКАЗАЛ МЕТКАЛФ.

ОН СКАЗАЛ, ЧТО НА ПЛАНЕТЕ ВСЕГО ДОСТАТОЧНО,
ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЕТ ДЕНЕГ.

— А где те другие роллы, которые пропали?

ОНИ НЕ СОГЛАСНЫ. ОНИ УШЛИ.

МЫ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕМСЯ — ЧТО С НИМИ?

— Вы не пришли к общему мнению по части того, стоит ли растить деньги? Они, наверно, думали, что лучше растить что-нибудь другое?

МЫ НЕ СОГЛАСНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО
МЕТКАЛФА. ТЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ОН
НАС ОБМАНЫВАЕТ.

ОСТАЛЬНЫЕ ДУМАЮТ, ЧТО ОН
БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

«Вот тебе и компания! — подумал Дойл. — Ничего себе, благородный человек!»

МЫ ГОВОРИЛИ ДОСТАТОЧНО.
ТЕПЕРЬ ПРОЩАЙ.

Они повернулись, как по команде, и зашагали по склону обратно к саду.

— Эй! — крикнул Дойл, вскакивая на ноги.

Сзади раздалось шуршание, и он обернулся.

Крапива распрямилась и закрыла дорожку.

— Эй! — крикнул он снова, но роллы не обратили на него никакого внимания. Они продолжали взбираться на холм.

Дойл стоял на вытоптанном участке, а вокруг поднималась стеной крапива — листья ее поблескивали под солнцем. Крапива протянулась футов на сто от изгороди и доставала Дойлу до плеч.

Конечно, человек может пробраться сквозь крапиву. Ее можно раздвигать ботинками, топтать, но время от времени она будет жечь, и, пока выберешься наружу, будешь весь обожжен до костей. Да и хочется ли ему выбраться отсюда?

В конце концов он был не в худшем положении, чем раньше. Может, даже в лучшем. Ведь он безболезненно пробрался сквозь крапиву. Правда, роллы предательски оставили его здесь.

Нет никакого смысла, подумал он, пробираться сейчас обратно. Ведь все равно придется возвращаться тем же путем, чтобы добраться до изгороди.

Он не смел перелезть через изгородь, пока не стемнело. Но и деваться больше было некуда.

Присмотревшись к изгороди, он понял, что перебраться через нее будет нелегко. Восемь футов металлической сетки и поверху три ряда колючей проволоки, прикрепленной к брусьям, наклоненным на внешнюю сторону.

Сразу за изгородью стоял старый дуб, и, если бы у него была веревка, он мог бы закинуть ее на ветви дуба, но веревки у него не было, так что придется обойтись без нее.

Он прижался к земле и почувствовал себя очень несчастным. Тело саднило от москитных укусов, рука горела от крапивного ожога, ныли нога и царапины на груди, а кроме того, он не привык к такому яркому солнцу. Ко всему разболелся зуб. Этого еще не хватало!

Он чихнул, боль отдалась в голове, и зуб заболел еще сильнее. «В жизни не видал такой крапивы!» — сказал он себе, устало разглядывая могучие стебли.

Почти наверняка роллы помогли Меткалфу ее вырастить. У ролл неплохо получалось с растениями. Уж если они умудрились вырастить денежные деревья, значит, они могли сотворить какие хочешь растения. Он вспомнил, как ролла заставил крапиву улечься и освободить для него дорожку. Наверняка это сделал именно ролла, потому что ветра почти не было, а если бы даже ветер и был, он все равно не мог бы дуть сразу в две стороны.

Он никогда не слышал ни о ком, похожем на ролл. А они говорили что-то о добрых делах на других планетах. Но что бы они там ни делали на других планетах, на этой их явно провели.

Филантропы, подумал он. Миссионеры, может быть, из другого мира. Компания идеалистов. И вот попались на планете, которая, может быть, ничем не похожа ни на один из миров, в которых они побывали.

Понимают ли они, подумал он, что такое деньги? Интересно, что за байку преподнес им Меткалф?

Видно, Меткалф был первым, кто на них натолкнулся. И он, как человек опытный в денежных делах и в обращении с людьми, сразу понял, как воспользоваться счастливой встречей. К тому же у Меткалфа есть организация, гангстерская банда, хорошо усвоившая законы самосохранения, так что она смогла обеспечить нужную секретность. Одному человеку бы не справиться.

Вот так ролл и провели, полностью одурачили. Хотя нельзя было сказать, что эти роллы глупы. Они выучили язык. И не только разговорный, но и писать научились и соображают неплохо. Они, наверное, даже умнее, чем кажутся. Ведь между собой они общаются беззвучно, а приучились же разбирать звуки людей.

Солнце давно уж исчезло за крапивными зарослями. Скоро наступят сумерки, и тогда, сказал себе Дойл, мы примемся за дело.

Сзади крапива зашуршала, и он вскочил. Может быть, подумал он лихорадочно, дорожка снова открылась. Может быть, дорожка открывается автоматически, в определенные часы.

Это было до какой-то степени правдой. Дорожка и в самом деле открылась. И по ней шел еще один ролла. Крапива расступалась перед ним и смыкалась, как только он проходил.

Ролла подошел к Дойлу.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПОДОНОК.

Это не мог быть ролла, запертый в багажнике. Это, должно быть, один из тех, что отказались участвовать в денежном деле.

ТЫ БОЛЬНОЙ?

— Все чешется, — сказал Дойл, — и зуб болит, и каждый раз, как чихну, кажется, голова раскалывается.

МОГУ ПОЧИНИТЬ.

— Разумеется, ты можешь вырастить аптечное дерево, на каждой ветке которого будут расти таблетки, и бинты, и всякая чепуха.

ОЧЕНЬ ПРОСТО.

— Ну ладно, — сказал Дойл и замолчал. Он подумал, что и в самом деле для роллы это может быть очень просто. В конце концов большинство лекарств добывается из растений, а уж никто не сравнится с роллами по части выращивания диковинных растений.

— Ты можешь мне помочь, — сказал Дойл с энтузиазмом. — Ты можешь лечить разные болезни. Ты можешь даже найти средство против рака и изобрести что-нибудь, что будет лечить сердечные болезни. Да, возьмем, к примеру, обычную простуду...

ПРОСТИ, ДРУГ, НО МЫ С ВАМИ НЕ ХОТИМ ИМЕТЬ НИЧЕГО ОБЩЕГО.

ВЫ НАС ВЫСТАВИЛИ НА ПОСМЕШИЩЕ.

— Ага, значит, ты один из тех, кто убежал? — сказал Дойл с некоторым волнением в голосе. — Ты раскусили игру Меткалфа...

Но ролла уже не слушал его. Он как-то подтянулся, стал выше и тоньше, и губы его сложились в кружок, будто он собирался крикнуть. Но он не издал ни единого звука. Ни звука, но ощущение в воздухе такое, что зубы у Дойла застучали. Это было удивительно — ощущение вопящего ужаса в тишине сумерек, когда ветер тихо облетал темнеющие деревья, шуршала крапива, и вдали кричала птица, возвращавшаяся в гнездо.

По другую сторону изгороди раздались звуки шагов, и в густеющих сумерках Дойл увидел пять ролл, бегущих вниз по склону.

Что-то происходит, подумал Дойл. Он был в этом уверен. Он ощутил серьезность момента, но не понимал, что бы это могло быть.

Ролла рядом с ним послал нечто вроде крика, крика слишком высокого, чтобы его могло уловить человеческое ухо, и теперь, услышав этот крик, роллы из сада бежали к нему.

Пять ролл достигли изгороди и выстроились вдоль нее. На груди их переливались непонятные значки и буквы их родного языка. И грудь того, что стоял рядом с Дойлом, тоже светилась непонятными значками, которые менялись так быстро, что казались живыми.

Это спор, подумал Дойл. Пятеро за изгородью спорили с тем, кто стоял снаружи, и в споре чувствовалось напряжение.

А он стоял здесь, как невинный прохожий, попавший в самую гущу семейного скандала.

Роллы махали руками, и в спускающейся темноте знаки на них, казалось, стали ярче.

Ночная птица с криком пролетела над ними, и Дойл поднял голову, чтобы посмотреть, что это за птица, и тут же увидел фигуры людей, бегущих к изгороди. Силуэты их ясно виднелись на фоне более светлого неба.

— Опасность! — крикнул Дойл и удивился, зачем это он кричит и почему.

Услышав его крик, пять ролл обернулись, и на них появились одинаковые символы, как будто они внезапно обо всем договорились.

Раздался треск, и Дойл снова поднял голову. Он увидел, что старый дуб клонится по направлению к изгороди, как будто гигантская рука толкает его. Дерево клонилось все быстрее и, наконец, с силой ударило по изгороди. Дойл понял, что пора бежать.

Он отступил на шаг, но когда опустил ногу, то не обнаружил земли. Он с секунду старался удержать равновесие, но не смог и свалился в яму, и тут же над его головой раздался грохот, и громадное дерево, разорвав изгородь, упало на землю.

Дойл лежал тихо, не смея пошевелиться. Он оказался в какой-то канаве. Она была неглубокая, фута три, не больше, но он упал очень неудачно и прямо в спину ему вонзился камень. Над ним нависала путаница ветвей и сучьев — вершиной дуб закрыл канаву. По ветвям пробежал ролла. Он бежал куда быстрее и тише, чем можно было предположить.

— Они туда побежали, — произнес голос. — В лес. Их нелегко будет найти.

Ему ответил голос Меткалфа:

— Надо найти их, Билл. Мы не можем допустить, чтобы они сбежали.

После паузы Билл ответил:

— Не понимаю, что это в них засело. Они, казалось, были вполне довольны.

Меткалф выругался:

— Это все фотограф. Ну, тот самый парень, который залез на дерево и сбежал от меня. Я не знаю, что он наде-

лал и что еще наделает, но могу поклясться, что он в этом замешан. И он где-нибудь здесь.

Билл немного отошел, и Меткалф сказал:

— Если он вам встретится, вы знаете, как поступить.

— Конечно, босс.

— Среднего роста, малохолмный.

Они исчезли. Дойл слышал, как они пробираются сквозь крапиву, кроя ее последними словами.

Дойл поежился.

Ему надо было выбираться отсюда, и как можно скорее, потому что скоро взойдет луна.

Меткалф и его мальчики шутить не собирались. Они не могли позволить, чтобы их одурачили в таком деле. Если они его заметят, вернее всего, они будут стрелять без предупреждения.

Сейчас, когда все охотятся за роллами, был шанс забраться незаметно в сад. Хотя, вернее всего, Меткалф оставил своих людей сторожить деревья.

Дойл подумал немного и отказался от этой мысли. Лучшее, что осталось ему в его положении, — это добраться как можно скорее до машины и уехать отсюда подальше.

Он осторожно выполз из канавы. Некоторое время он просидел среди ветвей, прислушиваясь. Ни звука.

Он прошел сквозь крапиву, следуя по пути, протоптанному людьми.

И побежал по склону к лесу. Впереди раздался крик, и он остановился, замер. Потом возобновил бег, добрался до первых кустов и залег.

Вдруг он увидел, как из лесу, поднимаясь над вершинами деревьев, показался бледный силуэт. Первые лучи лунного света поблескивали на нем. Эта вещь оставяла за собой светящийся след. Она была острой сверху и расширялась книзу — словом, походила на летящую рождественскую елку.

Внезапно Дойл вспомнил о завале в овраге, сплетенном так прочно. И тогда он понял, что это за елка летит по небу.

Роллы работали с растениями, как люди с металлами. Если они могли вырастить денежное дерево и послушную крапиву, то вырастить космический корабль для них не составляло большого труда.

Корабль, казалось, двигался медленно. С него свешивалось нечто вроде каната, на конце которого болталось что-то вроде куклы. Кукла корчилась и издавала визгливые крики.

Кто-то кричал в лесу:

— Это босс! Билл, да сделай ты что-нибудь!

Но было ясно, что Билл ничего не сможет сделать.

Дойл выскочил из кустов и побежал. Теперь самое время скрыться от этих людей. Они заняты судьбой босса, который все еще держался за канат — может быть, якорную цепь корабля, а может быть, плохо принайтовленную часть оболочки. Хотя, принимая во внимание искусство ролл,

вряд ли можно было допустить, что они плохо принятовили какую-нибудь часть корабля.

Он отлично мог представить, что случилось: Меткалф увидел, как роллы влезают в корабль, и бросился к ним, крича, стреляя на ходу, и в этот момент корабль поднялся, а свисающий с него канат крепко обвился вокруг его ноги.

Дойл достиг леса и побежал дальше вниз по склону, путаясь в корнях, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова. И бежал, пока не ударился головой в дерево так, что искры посыпались из его глаз.

Он сел на землю и ощупал лоб, убежденный, что проломил голову. Слезы лились из глаз и стекали по щекам. Но лоб не был проломлен, и крови не было, хотя нос заметно распух.

Потом он поднялся и медленно пошел дальше, на ощупь выбирая путь, потому что, хоть луна и взошла, под деревьями было совершенно темно.

Наконец Дойл добрался до сухого русла ручья и пошел вдоль него. Он спешил, вспомнив, что Мейбл ждет его в машине. Она, верно, разозлилась, подумал он. Ведь он обещал вернуться до темноты.

Он споткнулся о кусок плетеных ветвей, оставшийся в овраге. Провел рукой по почти полированной поверхности этой ткани и постарался представить, что случилось здесь несколько лет назад.

Космический корабль, падающий на землю, потерявший контроль. Меткалф, который оказался неподалеку...

«Черт знает, что бывает в наши дни!» — подумал он.

Если бы им встретился не Меткалф, а кто-нибудь другой, кто думает не только о долларах, теперь бы по всей земле могли бы расти рядами деревья и кусты, дающие человечеству все, о чем оно мечтает в самом деле, — средства от всех болезней, настоящие средства от бедности и страха. И может быть, многое другое, о чем мы еще и не догадываемся.

Но теперь они улетели, улетели в корабле, построенном двумя невероятными роллами под самым носом Меткалфа.

Он продолжал путь, думая о том, что надежды человечества так и не сбылись, разрушенные жадностью и злобой.

Теперь они улетели. «Постойте минутку, не все улетели!» Один ролла остался. Ведь его ролла лежит в багажнике.

Он прибавил шаг.

«Что же теперь делать? — размышлял он. — Направиться прямо в Вашингтон? Или в ФБР?»

Что бы ни случилось, оставшийся ролла должен попасть в нужные руки. И так уж слишком много потеряно. Больше рисковать нельзя. Если ролла встретится с учеными или свяжется с правительством, он сможет еще многое сделать.

Он начал волноваться, не случилось ли чего с роллой, запертым в багажнике. Он вспомнил, что тот стучался.

А что, если он задохнется? А что, если он хотел сказать

что-то важное? Что, если у него была серьезная причина, из-за которой он стучал в багажнике?

Он бежал по сухому руслу, скользя по гальке, спотыкаясь о валуны. Москиты летели за ним густой тучей, он отмахивался от них, он так спешил, что не замечал их укусов.

Там, наверху, банда Меткалфа обирает деревья, подумал он, срывая миллионы долларов. Теперь их игра кончена, и они об этом знают. Им ничего не остается, как оборвать деревья и исчезнуть как можно быстрее.

Возможно, денежные деревья требуют непрерывного наблюдения ролл, для того чтобы производить деньги.

На машину он наткнулся внезапно, обошел ее в почти полной темноте и постучал в окно.

Внутри взвизгнула Мейбл.

— Все в порядке! — крикнул Дойл. — Это я. Я вернулся.

Она отперла дверь, и он вскарабкался в машину. Мейбл прижалась к нему, и он обнял ее.

— Прости, — сказал он. — Прости, что я задержался.

— Все в порядке, Чак? — спросила она.

— Да, — промычал он. — Можно сказать, что в порядке.

— Я так рада, — сказала она облегченно. — Хорошо, что все в порядке. А то ролла убежал.

— Убежал? Ради бога, Мейбл...

— Не злись, Чак. Он все стучал и стучал. И мне стало его жалко. Я, конечно, боялась, но мне было его в самом деле жалко. Так что я открыла багажник и выпустила его. И все было в порядке. Он оказался милейшим существом...

— Итак, он убежал, — сказал Дойл, все еще не до конца веря этому. — Но, может быть, он где-нибудь по соседству прячется в темноте...

— Нет, — вздохнула Мейбл. — Он побежал по оврагу, как собака, когда ее зовет хозяин. Было уже темно, но я бросилась вслед за ним. Я звала его, но понимала, что он убежал и мне его не догнать. Впрочем, это уже не играет никакой роли. Ролла тебе больше не нужен. Правда, мне жалко, что он убежал. Я бы с ним подружилась. Он так интересно говорил, куда интереснее, чем попугай. Я повязала ему ленточку на шею, желтую ленточку, и он стал такой миленький.

— Еще бы! — сказал Дойл.

Он думал о ролле, летящем в пространстве на только что выращенном корабле. Он направляется к далекому солнцу, увозя с собой, может быть, величайшие надежды человечества, а на шее у него желтая ленточка.

Перевел с английского Александр Ге

**На 1-й стр. обложки:
Рисунок Н. ГРИШИНА и Г. КО-
ВАНОВА к рассказу Клиффор-
да Д. Саймака «Денежное де-
рево».**